

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-6-14

УДК (UDC) 82-311.4

Vassili V. Bouilov
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland
Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

For citation: Bouilov Vassili V., (2022).
Existential Concepts Space, Time and
Nature in Andrei Platonov's Prose:
Author's Special Interpretation of Them.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 6-14 (in USA)

Manuscript received 07/05/2022

Accepted for publication: 31/05/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ПРОСТРАНСТВО», «ВРЕМЯ»
И «ПРИРОДА» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:
ИХ ОСОБАЯ АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**EXISTENTIAL CONCEPTS SPACE, TIME AND NATURE
IN ANDREI PLATONOV'S PROSE: AUTHOR'S SPECIAL
INTERPRETATION OF THEM**

Abstract:

In the key prose texts of Andrei Platonov, just as it happens in a poetic text, the compositional structure is based on a detailed system of interacting philosophical concepts. Thus, Platonov came to his own understanding of nature as a philosophical-existential category which symbolizes the connection between space, time and the philosophy of human existence. Speaking of the violent destruction of nature, Platonov in an allegorical form also raises the question of the destruction of "human nature". Platonov's spatial category is characterized by cosmism of attitude and temporal volume. His spatial characteristics have a conceptual content that is boundless in scope. Platonov's space is endless. Platonov time materializes, acquires physically tangible three-dimensional forms, specific spatial and material characteristics. All these eternal categories merge in Platonov's narrative into Platonov's polyphonic chronotope, reflecting the infinite multidimensionality of Platonov's world and emotionally unfolding into immeasurable Platonov's cosmism.

Keywords: Andrei Platonov's concepts of "Space", "Time" and "Nature", philosophy of Russian cosmism, existentialism, temporality, spatiality, corporality, eventfulness, existentials, Platonov's polyphonic chronotope, Platonov's literary collision of Utopia and Dystopia.

Аннотация:

В ключевых прозаических текстах Андрея Платонова подобно тому, как это происходит в поэтическом тексте, основу композиционной структуры составляет развёрнутая система взаимодействующих между собой философских концептов. Так, Платонов пришёл к собственному пониманию природы как философско-экзистенциальной категории, символизирующей собой связь между пространством, временем и философией человеческого существования. Говоря о насильственном разрушении природы, Платонов в аллегорической форме поднимает вопрос также и о разрушении «человеческой природы». Пространственной категории у Платонова присущи космизм мироощущения и временная объёмность. Пространственные характеристики у него имеют концептуальное, беспредельное по охвату наполнение. Пространство у Платонова бесконечно. Время материализуется, обретает у Платонова физически ощутимые объёмные формы, конкретные пространственные и вещественные характеристики. Все эти вечные категории сливаются в платоновском повествовании в платоновский полифонический хронотоп, отражающий бесконечную многомерность платоновского мира и эмоционально разворачивающийся в безмерный платоновский космизм.

Ключевые слова: Платоновские концепты «Пространство», «Время» и «Природа», философия русского космизма, экзистенциализм, темпоральность, пространственность, телесность, событийность, экзистенциалы, платоновский полифонический хронотоп, платоновское литературное столкновение Утопии и Антиутопии.

Введение

Авторское восприятие и интертекстуальная интерпретация Андреем Платоновым концептов **ПРОСТРАНСТВО**, **ВРЕМЯ** и **ПРИРОДА** в значительной степени сформировались под влиянием поэзия Пролеткульта. При этом на саму поэзию Пролеткульта, а, следовательно, и на развитие экзистенциально-философских взглядов Платонова непосредственное воздействие оказала имевшая широкое распространение в российском культурном сообществе начала XX-го века **теория русского космизма**. Увлечение Платонова уже с юности концепцией космизма и трудами таких известных русских космистов, как Н.Ф. Фёдоров [3, 4], В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский [10, Русский космизм], нашло свое смысловое отражение во многих платоновских художественных трансформациях.

Отмечаемая нами приверженность платоновского художественного мировосприятия мышлению категориями «русского космизма» подтверждается, например, исследователем этого течения философии Н.М. Ефимовой, которая ссылается на мнения многих учёных, подчёркивающих присутствие идей космизма, в частности идей Н. Федорова, в творчестве таких писателей, как В. Брюсов, М. Горький, Н. Заболоцкий, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Платонов, В. Хлебников [2, с. 4]. Представляя более развёрнутый список таких известных своей принадлежностью к данному течению философской мысли философов и учёных, как Н.Ф. Фёдоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьёв, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, Ф.И. Купревич, А.К. Манеев и др. [2, с. 4], Ефимова трактует феномен этого научно-философского движения таким образом:

«<...> русский космизм – это совокупность идей, направленных на объединение человечества на основе равноценности людей независимо от расы и других биологических особенностей, социального положения; на выработку новых форм общественных отношений, основанных на гармонии, а не на противопоставлении людей друг другу или природе. Человек, его разум выступают как продукт космической эволюции, и эта эволюция продолжается и в наше время. В связи с этим разрабатываются идеи о преобразовании

человека, в том числе его физического облика, совершенствование его интеллекта, исследуются возможности и способы достижения человеком бессмертия.» [2, с. 4]

Рассуждения

В тексте одного из концептуально ключевых произведений Андрея Платонова повести «Котлован» [9] основу композиционной структуры составляет развёрнутая система взаимодействующих между собой философских концептов. В то время как основными понятиями и мотивами платоновской онтологии являются такие философские категории, как существование, бытие во всех их реалистичных и художественно мифологизированных материальных и экзистенциальных формах, такие вечные категории, как **ПРОСТРАНСТВО** и **ВРЕМЯ**, сливаются в ограниченном вымышленном пространстве «Котлована» в платоновский полифонический хронотоп, отражающий бесконечную многомерность платоновского мира, ставший в «Котловане» центральной точкой отсчёта для всей образной и повествовательной композиции повести и эмоционально разворачивающийся в безмерный платоновский космизм. Обусловленное платоновским хронотопом слияние **ВРЕМЕНИ** и **ПРОСТРАНСТВА** рождает ощущение космичности, высокой одухотворённости, вселенской эволюционной предопределённости и исторически-философской осмысленности природы человеческого существования:

Прушевский <...> смотрел в поздний вечер мира. [9, с. 47]

Воцев захватил свой мешок и отправился в ночь. [9, с. 16]

Кузница была открыта в лунную ночь на всю светлую поверхность <...> [9, с. 86]

До самой глубины лунной ночи он шёл вдаль. [9, с. 57]

У Платонова **ПРОСТРАНСТВО** бесконечно. Его пространственные характеристики «имеют концептуальное, понятийное, беспредельное по объёму и охвату наполнение. Земной горизонт в «Котловане» перестаёт существовать. Пространство Земли у Платонова наравне со своей обычной земной горизонтальной протяжённостью беспредельно расширяется в высоту и обретает свою новую вертикальную объёмность, органично сливаясь с Космосом:

Он осмотрелся вокруг – всюду над пространством стоял пар живого дыхания, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпенье на свете, точно всё живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление. [9, с. 59]

<...> – точно грусть – стояла мёртвая высота над землёй <...> ни на что не отлучаясь взглядом <...> [9, с. 27]

<...> на всю лунную окрестность <...> (82) [9, с. 82]

<...> воздух большой, а ты маленькая <...> [9, с. 82]

Пространственной категории у Платонова присущи космизм мироощущения и временная объёмность. Персонажи «Котлована» живут не в каком-то определённом, имеющем конкретное название поселении, населённом пункте – они живут **на равнине страны, в пространстве, живут вдаль, отправляются, уходят не по дороге, а в открытую дорогу:**

– тогда бы вы увидели, какой это погибший город стоит среди равнины нашей страны <...> [9, с. 23]

Воцев ушёл в одну открытую дорогу. [9, с. 55]

М.А. Дмитриевская отмечает, что эволюция значения слова *пространство* шла от конкретного к абстрактному и ещё в начале XVIII в. слово *пространство* имело много

значений, связанных с конкретикой. Оно могло иметь значение 'большие размеры чего-либо' или употребляться в значении 'простор, громадность, великость'. Слово *пространство* могло употребляться в генетивных конструкциях с зависимым пространственным обозначением более конкретной семантики, например, все пространство мира, *небес пространство, великое пространство воздуха и неба, пространство вихря* [1, с. 51].

При рассмотрении взаимодействия и соотношения концептов МЕСТО и ПРОСТРАНСТВО именно в прозе Платонова Дмитровская увязывает такое соотношение с особым, платоновским употреблением слов *место* и *пространство*, делая акцент на стремлении Платонова при их использовании в тексте уйти из конкретного в абстрактное при сохранении между ними баланса, который диктуется конкретными художественными задачами платоновского повествования:

*«Сопряженность понятий пространства и места проявляется также в часто встречающихся у Платонова генетивных конструкциях со словом **место** в качестве ключевого и словами с размытыми представлениями о пространственных границах в качестве зависимых. Особенно показательно словосочетание **место пространства** <...> Обращает на себя внимание избыточность здесь слова **место**: «**в тёмном месте пространства**» = 'в тёмном пространстве'. Столь же избыточно слово **место** и в других примерах, где в качестве зависимых употребляются слова более конкретной семантики (**земля, родина, окрестности, поля, равнина, овраг, деревня** и т.д.) <...> Употребление слова **место** в подобных случаях служит средством организации и ограничения пространства. Действительно, словосочетания **места земли, место пространства**, и под. обозначают сущности более конкретные и ограниченные, чем слова **земля** и **пространство**, семантика которых связана с открытостью, разомкнутостью пространства.»* [жирный шрифт – наш; В.Б.] [1, с. 52-53]

Слово *место* несёт в себе конкретизирующую семантику ограничения и организации, а слово *пространство* содержит в себе семантические компоненты масштаба, простора, протяжённости, наполненности, распаханности и открытости. Постоянное писательское стремление к абстрагированию конкретного позволяет нам наблюдать в «Котловане» платоновских героев, которые живут не в городе или деревне, губернии или республике, а в раскрытом, распаханном в Космос безграничном пространстве. Из домов они выходят не на двор или улицу, а **в пространство, в природу, в окрестность, в погоду, в лето, в пустоту** и т.д.:

Воцев <...> тронул лошадь, чтобы ехать обратно в то пространство, где он был. [9, с. 57]

<...> Воцев очутился в пространстве <...> [9, с. 17]

Воцев otvorил дверь Оргдома в пространство и узнал желание жить в эту разгороженную даль, где сердце может биться не только от одного холодного воздуха, но и от истинной радости одоления всего смутного вещества земли. [9, с. 94]

Говоря о взаимодействии платоновских концептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, В.В. Летуновский ссылается на базовые положения экзистенциальной теории швейцарского психолога Медарда Босса и отмечает доминирующие в нашей жизни функции «**темпоральности**» и «**пространственности**». Летуновский помещает «пространственность» и «темпоральность» в начало списка наиболее важных экзистенциалов, содержащего в себе, например, такие экзистенциалы, как «**телесность**», «**событийность**», которые в своем универсальном единстве составляют «необходимые черты человеческого существования, данности, без которых оно не может рассматриваться как таковое» [7: 3.2.1.]

Летуновский подчеркивает в учении Босса мысль о равной истинности экзистенциалов, что исключает их понимание и расположение в какой-либо иерархии, но предполагает именно их единство, благодаря которому «человеческое существо может быть охарактеризовано как собственно человеческое» и благодаря которому «мы способны постигать значение того, что встречается на нашем пути, как оно есть на самом деле» [7: 3.2.1.]. Резюмируя теорию Босса, Летуновский указывает на эту совокупность ведущих экзистенциалов как на «суть человечности человека»:

«Присутствие человека в мире всегда характеризуется присутствием в конкретный момент времени в конкретном месте. <...> Поэтому первые экзистенциалы, с которых Босс начинает исследование самых существенных черт человеческой экзистенции, это пространственность и темпоральность <...> Причём пространство обычно представляется нам в виде большого «космического контейнера». <...> Человек также представляется как одна из вещей в пространстве. <...> Однако согласно концепции Босса, перенесение подобного понятия пространства на человеческую действительность неправомерно, поскольку при сведении пространства к обычному интервалу между объектами происходит его неоправданная редукция или, по словам самого Босса, «тотальное опустошение». При этом речь идет, о том, что за скобками оказывается значение и смысл вещей, находящихся в пространстве.» [7: 3.2.1.]

ВРЕМЯ у Платонова материализуется, обретает физически ощутимые объёмные формы, конкретные пространственные и вещественные характеристики: *Текущее время тихо шло в полночном мраке колхоза <...>* [9, с. 59]. Платонов допускает возможность осуществления в художественном пространстве «Котлована» «условно-обратного» движения во времени: *<...> собираясь отправляться в них **обратно в старину*** [9, с. 44].

Затрагивая тему концепта **ПРОСТРАНСТВА**, Дмитриевская напрямую увязывает его с концептом **ВРЕМЕНИ**. Она говорит о двух моделях времени – циклической и линейной, которые соответствуют двум пространственным моделям, присутствующим в прозе Платонова – мифопоэтической и ньютоновской, что подтверждает мысли М.М. Бахтина о хронотопе как единстве времени и пространства, выражающим их неразрывность. [1, с. 56]. Циклическостью времени определяется специфика авторского исчисления хронологии платоновского повествования:

*«Писатель в соответствии с архаической моделью восприятия времени часто указывает на время того или иного события, просто отмечая часть суток и освещённость <...>. Кроме обычных обстоятельств **утром, до утра, под утро, на рассвете, наутро**, писателем могут использоваться и более развёрнутые описания, ср.: **«Поближе к утренней заре** гостевые вчерашние мужики стали расходиться в окрестность [9, с. 86] <...> Придерживаясь архаической временной модели, писатель овещает представление о движении времени, его ходе. <...> Этой цели служит, в частности, буквальное прочтение метафор **время течёт / течение времени / текущее время; время идёт / ход времени; время вышло, время уходит.**» [жирный шрифт – наш; В.Б.] [1, с. 59, 67]*

Концепты не только **ВРЕМЕНИ**, но и **ПРИРОДЫ**, климатические и сезонные погодные условия, времена года обретают в «Котловане» пространственные и качественные характеристики и пространственное измерение, и наделены в платоновском мироустройстве особыми свойствами:

Прушевский осмотрел пустой район ближайшей природы <...> [9, с. 40]

<...> Его пеший путь лежал среди лета <...> [9, с. 17]

<...> старое дерево росло на нем одно среди светлой погоды. [9, с. 15]

<...> однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь <...> [9, с. 15]

Ю.И. Левин так определяет место **ПРИРОДЫ** и всех форм её духовно-экзистенциального и сугубо материального проявления в платоновской системе ценностей и в онтологии Платонова:

«Платоновский «стихийный» (или «наивный», или «народный») экзистенциализм касается не только человеческого бытия, но и бытия предметного. Это своего рода панэкзистенциализм. Одушевленность узואльно неодушевлённых предметов, от палых листьев до звёзд или паровозов, не говоря уже о животных и птицах, – инвариант платоновского мира; но одушевляет их Платонов именно для того, чтобы сообщить их существованию экзистенциальную тоску, безысходность и сиротство, – и в результате весь Космос оказывается проникнут ими. При этом человек и природа экзистенциально связаны, и отношения между ними регулируются своеобразным законом сохранения <...>» [8, с. 410]

Платоновское видение **ПРИРОДЫ** в различные периоды творческой жизни Платонова было неоднозначным. От отношения к природе как к враждебной человеку и неуправляемой стихии, которую можно только или завоевать, или уничтожить, унаследованному от Н.Ф. Фёдорова [3, 4], он пришёл к собственному пониманию природы как философско-экзистенциальной категории, символизирующей собой связь между пространством, временем и философией человеческого существования:

<...> солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бедностью земли; но другого места для жизни не было дано. [9, с. 39]

С.А. Кузнецова определяет степень художественного отражения темы природы в прозаических произведениях Платонова и трактует отношение писателя к природе таким образом:

«А. Платонов, говоря о природе и общении с ней человека, противопоставляет своё видение преобладающим в литературе установкам на её поэтизирующее возвышение. Мир природы в его произведениях – будничныи, прозаический, приближённый к однообразной повседневности.» [6, с. 297]

Мы считаем, что даже если гипотетически допускать возможность такого неромантического и эмоционально отстранённого видения природы Платоновым, это не мешает ему как писателю достигать в «Котловане» высокого уровня художественного обобщения при описании природы. Хотя писатель и создаёт на страницах своей прозы иногда довольно печальные по настроению и степени философской сосредоточенности природные зарисовки, они при всём этом отличаются особой платоновской поэтической метафоричностью, «выписанностью» и экспрессивностью:

<...> с высоты крыльца он видел лунную чистоту далёкого масштаба, печальность замёрзшего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше. [9, с. 81]

Более того, по нашему ощущению, в цитируемых здесь отрывках из «Котлована», как и в большей части прозы Платонова, описание природы, не являясь буквально романтическим, по своему стилистическому оформлению и насыщенности приближается к высокой поэзии. Тема природы дает Платонову мощный импульс в его вдохновенном познании мира и является ведущим мотивом в платоновском поэтически образном выражении философии человеческих отношений:

<...> неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба. [9, с. 81]

Чиклин прислушался к начавшемуся дождю на дворе, к его долгому скорбящему звуку, поющему в листве, в плетнях и в мирной кровле деревни; безучастно, как в пустоте, проливалась свежая влага, и только тоска хотя бы одного человека, слушающего дождь, могла бы вознаградить это истощение природы. [9, с. 59]

В «Котловане» **ПРИРОДУ** не обходит идеология. Всё, что мешает доминированию утопической идеи, по представлению идеологов, начальствующих где-то **«там, наверху»**, должно быть подвергнуто казённому администрированию и насильственному регулированию, даже если это природа:

Воцев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх – на звёздное собрание и в мёртвую массовую муть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни. [9, с. 57]

– Дезорганизация! – с унылостью сказал активист про этот остужающий вечер природы. [9, с. 64]

Говоря о насильственном разрушении **ПРИРОДЫ**, Платонов в аллегорической форме поднимает вопрос и о разрушении «человеческой природы». Для животных и для человека наступают необратимые изменения в привычном для них течении жизни. Птицы, вопреки законам природы (всё в мире перевернулось), не желая подчиняться новым законам людей, улетают отсюда. Человек тоже хотел бы уподобиться птицам, чтобы вместе с этими птицами тоже бежать, лететь, исчезнуть отсюда навсегда:

На том месте собрались грачи для отлёта в тёплую даль, хотя время их расставания со здешней землёй ещё не наступило. Ещё ранее отлёта грачей Елисей видел исчезновение ласточек, и тогда он хотел было стать лёгким, малосознательным телом птицы <...> [9, с. 59]

Разрушительная деятельность носителей новой идеологии и «переустроителей мира» вызывает в природе необратимые изменения. Это не рассматривается ими как нанесение невосполнимого ущерба природе или катастрофа. Напротив, они усматривают в этом символическое проявление непобедимости власти, воспринимая это как манифестацию победы государства господствующей идеологии над «диалектически враждебной» для него силой **ПРИРОДЫ**:

<...> Настя <...> думала, почему в колхозе зимой тепло и нету четырёх времён года, про какие ей рассказывал Прушевский на котловане, когда на пустых осенних полях прекратилось пение птиц. [9, с. 78]

Заклучение

Платонов по роду своей первоначальной профессиональной деятельности проведший значительную часть жизни близко к природе и прошедший путь от успешного ведущего мелиоратора-энтузиаста до писателя мирового значения, не только хорошо успел познать, духовно отвергнуть и художественно разоблачить экзистенциальные нестыковки между реальными потребностями жизни и утопией, жёстко воплощённой идеологией в советский жизненный обиход, но и сумел предвидеть и предречь в своем творчестве многое из того, что случилось с **ПРИРОДОЙ** и всё ещё ведомым этой утопией обществом уже в будущем, далёком по времени от жизни писателя. Так, безграничная власть номенклатуры, проповедующей исторический материализм, была готова переломить проявление любого инакомыслия и «инакосуществования», даже если они исходили от самой **ПРИРОДЫ**. И вплоть до наших дней борьба авторитарной системы со стихией **ПРИРОДЫ** может протекать в форме реализованного в жизни гротеска. Вспомним уже в 70-е годы принятый к исполнению в СССР проект по повороту северных рек, в силу своей абсурдности и разрушительности для глобальной экологии, к счастью, остановленный отдельными честными учеными, мужественно преодолевшими большие личные трудности и активное сопротивление власти, чтобы добиться этого. Как в своё время писатель Платонов в своём откровенно протестном литературном творчестве (по удивительному совпадению, когда-то служивший мелиоратором по своей второй профессии), эти отчаянные инакомыслящие учёные-одиночки не побоялись выступить против бездумного, а точнее, реально безумного утопического проекта партии, который, по сути, мог стать **современным вселенским прообразом КОТЛОВАНА**.

Незначительный в масштабе всей истории период времени между нашей современностью и эпохой, в которую писал Платонов, успел ознаменоваться таким историческим опытом, когда **ПРИРОДА** рассматривалась идеологами государственной утопии как плацдарм для геополитического завоевания альтернативного этой утопии окружающего мира. По их «глобальной задумке», населяющие это природное пространство многообразные человеческие популяции, цивилизации и этнически сложившиеся общности людей, этногенезы [термин Л.Н. Гумилева; 5], должны были быть «осчастливлены» утопической философией, отголоски которой можно ещё постоянно слышать и в жизни нашего современного общества. Утопией, сводящей к общему катастрофическому знаменателю все формы геополитической, культурной, экологической и природно-антропогенной среды существования человечества. Утопией, к бескомпромиссной борьбе с которой через свою Антиутопию сознательно пришёл в своём литературном творчестве Андрей Платонов.

References:

1. Dmitrovskaja M.A. (1999). Jazyk i mirosozercanie A. Platonova. Dissert. na soiskanie uchen. step. dok. filol. nauk. Moskva: RUDN.
2. Efimova N.M. (1996). Russkij kosmizm o prirode zhizni i smerti: N. Fedorov, K. Ciolkovskij, A. Platonov. Avtoreferat. Internet-resurs 12.08.2014: <http://www.dissercat.com/content/usskii-kosmizm-o-prirode-zhizni-i-smerti-n-fedorov-k-tsiolkovskii-platonov>.
3. Fedorov N.F. (1982). Sochinenija. Iz 2 toma «Filosofii obshhego dela». Stat'i o reguljacii. Moskva: Mysl'.
4. Fedorov N.F. (1993). N.F. Fedorov. V knige: Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press, 64-84
5. Gumilev L.N. (1989). Jethnogenez i biosfera zemli. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

6. Kuznecova S.A. (1999). Priroda i chelovek v rasskazah Platonova 1930-h gg. «Strana filosofov» Andreja Platonova: Problemy tvorcestva. Vyp. 3. Moskva: IMLI RAN, 297-302.
7. Letunovskij V.V. (2001). 3.2.1 Bazovye jekzistencialy. Jekzistencial'nyj analiz. Istorija, teorija i metodologija praktiki. Dissert. na soisk. uch. st. kand. psihol. nauk. Nauchn. ruk. dok. psihol. nauk Leont'ev D.A. Na pravah rukopisi. Moskva: MGU, f-t psihologii. Internet-resurs: zpsy.ru Smysl zhizni, razdel sajta hpsy.ru: <http://hpsy.ru/public/x1425.htm>.
8. Levin Ju.I. (1998). Ot sintaksisa k smyslu i dalee («Kotlovan» A. Platonova) Levin Ju.I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. Moskva: «Jazyki ruskoj kul'tury», 392-419.
9. Platonov A.P. (1988a). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
10. Russkij kosmizm (1993). Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press.

Information about the author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies, Василий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия.
E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704
Post address: Vassili Bouilov, Eerikinkatu 23 A11, 00180 Helsinki, Finland
Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513
ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works – about 80 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Acknowledgments: The author would like to sincerely thank Prof. Liye Wang, Beijing Foreign Studies University, Beijing, for her feedback and assistance on this paper.

Author's contribution: The work is solely that of the author.